

Демьян Субботин
Сибирь. XIX век

*Е*ловая лапа больно хлестнула по лицу. Демьян чертыхнулся и тут же торопливо перекрестился. Вот же гадские места! Изживают из человека все божеское, оставляют только черную, в самую душу вгрызающуюся тоску да алчность, от которой спасения никакого нет.

Золото, золото! Уж как он уговаривал брата уехать, не оставаться в этой глуши, на прииске этом проклятом. Да разве ж Акима переупрямишь! «Погодь, брат, еще чуть-чуть – и явит нам Господь свою милость». Дурак, неужто не видит, что нет тут Бога и милости никакой нет, а кто есть, о том и думать страшно.

Ведьма! Как есть ведьма! Очи зеленые, что молодые еловые иголки, а волосы рыжие, как лисья шкура. И сама точно лиса – верткая, текучая. А смотрит так, что аж сердце занимается – бежать хочется куда глаза глядят, чтоб только подальше от этого мхом поросшего леса, от Лисьего ручья, прииска этого ненавистного, от нее – ведьмы...

Зима ноне выдалась ох какая лютая и снежная, даже старики таких холодов не помнили. По весне, как начал снег сходить, лес превратился

в непролазное болото, а Лисий ручей – в реку такую, что без страха и не перейти. Валуны из воды торчат здоровенные, а поди ж ступи – склизко все, ненадежно, того и гляди в воду свалишься. Утонуть не утонешь – плавает он хорошо, с младенчества на Волге-матушке рос, – а вот хворь какую подхватить, как Аким давеча, – это запросто.

Аким удалюю своей завсегда любил похвалиться. Да и не понапрасну: рослый, плечистый, лицом хорош. Не то что он, Демьян. Все, чего старшему с избытком судьбинушка пожаловала, того младшему скупой рукой отмерила. Росточку невеликого, здоровья незавидного, да и рожа кривая – девка какая ежеси и глянет, так сразу и отвернется. Или, и того хуже, пожалеет. А не нужно ему, Демьяну Субботину, жалости! И братова заступничества тоже не нужно! Он сам за себя постоять сумеет. Лучшие его с ножом ни один мужик на прииске управлять не умеет, даже охотники из местных. И страшатся его не за то, что он Акимов меньший брат, а за то, что лютый, ни страху, ни пощады не ведает. И девки страшатся, оттого, видать, неласковы. Одна только не боится совсем. Ведьма! Смотрит так, что все нутро аж выворачивает, с насмешкою смотрит. Лучшие б уж с жалостью, ей-богу...

Ведьма жила в лесу, аккурат за Лисьем ручьем, в избушке такой ветхой, что, сдается, дунь посильнее – и развалится. Однако ж не разваливается. Местные сказывают, что избушка та испокон веку тут стоит, и всегда такая вот кривая, в зем-

лю вросшая по самые окна. Так ведь и немудрено, мужиков здесь никогда не жаловали. Мужики этому бесовскому отродью только для одного надобны, чтобы род ведьмовской не пресекался. Ведьма, как в силу свою ведьмовскую войдет, сама себе мужика выбирает, и уж коли выберет, так не уйти несчастному от ее колдовских чар. Охмурит, окрутит, душу в полон заберет.

Уже забрала! Аким после встречи с ведьмой сам не свой стал. Старательское дело совсем забросил, все у Лисьего ручья пропало у ведьмы этой. Демьян уже с ним и по-доброму, и по-плохому, да только не желал брат ничего слушать. Люблю, говорит, ее больше жизни. Оно и видно, что больше жизни. Вот уже второй день его лихоманка бьет. А все из-за нее, из-за ведьмы. Приворожила, навела морок. Да такой морок, что брат точно сам не свой сделался, совсем о страхе позабыл. Там, где на Лисьем ручье осторожнее нужно, с камня на камень с оглядкой переступать, он козликом молодым скакал – красовался. Допрыгался, свалился в воду. А вода в середине весны какая? А ледяная вода! Руку сунь – занемет, а тут с головой окунулся. Вот и случилась лихоманка-то...

И ведь помочь Акиму никак не выходит. Никого, говорит, видеть не хочу, никакой другой помощи мне не нужно. Позовите, говорит, Устинью. Устинья знает, как меня спасти. Может, и знает, местные все к ней на Лисий ручей бегают: кому притирки, чтобы раны быстрее заживали, кому воду заговоренную от зубов, кому отвары всякие.

Бабам в их бабских делах ведьма завсегда первая помощница, сказывают, зелье приворотное варит такое, что любого мужика приворожит. Может, и приворожит, Акима ж вон к себе крепко-накрепко привязала.

Вот и выходит: бабы за ведьму горой стоят, а мужики, те, что из местных, побаиваются, от того и не трогают ее никто – от греха подальше. Кому ж охота, чтоб градом огород побило, вся скотина за одну ночь полегла или в мужеском организме слабость такая приключилась, от которой ты уже и не мужик вовсе?! Никому! Вот и живет это бесовское отродье, а честным людям жить не дает. Да что там – не дает! Над честными людьми ведьма потешается, глазюками своими зелеными зыркает, душу невинную завлекательными взглядами очерняет. У нее ж все для того устроено, чтоб честного человека с пути истинного столкнуть, чтоб в пучину уволочь, из которой уже спасения нет.

Его, Демьяна, ведьма тоже удумала приворожить. Может, даже и приворожила чуток. А то ж как по-другому объяснить, что после редких с нею встреч он сам не свой делался, и мысли в голову лезли богомерзкие, такие, что аж зубы сводило и по спине мороз, и не спится потом всю ночь.

После такой вот бессонной ночи он к Лисьему ручью однажды и наведалься. Один, без Акима. Зачем пошел, и сам не ведал. Видать, сильный морок ведьма на него навела, потому как, только ее увидел, сразу разума лишился. А она ведь ждала

его. Точно ждала! Это ж только на первый взгляд кажется, что девка белье в ручье стирает, а если призадуматься, так видно – ведьма специально приготoвилась, сети раскинула. Волосы не в косу заплетены, а растрепаны, рыжей волной разметались по круглым плечам, кончики в воде полощутся. Медальончик, цацка железная, с тонкой шеи свешивается, покачивается туда-сюда промеж пышных грудей. Лицо разругмянилось, и улыбка на устах зазывная, а юбки подоткнуты так, чтобы ноги были видны.

Попался он тогда в бесовской силок, кинулся сзади на ведьму, что дикий зверь. Да только увернулась гадина, рыжей лисой юркнула под руку, остановилась поодаль и насмешничает:

– Не тот ты мужик, Демьянка, которому я себя лапать дозволю. Посмотришь можешь, за то денег не возьму, а пальцем тронуть не смей. Не про твою я честь.

Ох как Демьян тогда разозлился! Даже любимый нож в кармане нашарил, потому как не привык он такие обиды никому спускать, особенно ведьмам. А она уже вроде как и не смеется, стоит подбоченившись, смотрит внимательно.

– Ты, – говорит, – Демьянка, Акима моего брат. Оттого я тебя сейчас с богом отпущу. Но лучше бы тебе дорогу к Лисьему ручью вообще забыть – не люблю я таких, как ты. Ох не люблю. А теперь прочь иди, чего застыл колодой стоефосовой?!

И ведь послушался! Пошел, не оглядываясь, хоть между лопатками так и свербело оборотить-

ся, еще раз заглянуть в зеленые лисьи глаза. Точно морок...

Морок не морок, а с тех пор затаил Демьян на ведьму лютую обиду. Не сказать, что виделись они часто: ведьма в деревне редко появлялась, а сам он к Лисьему ручью более не совался, хоть и тянуло страсть как сильно. Только вот, оказывается, не нужно Демьяну ведьму часто видеть, морок у нее такой, что каждую ночь она к нему сама во снах являлась, терзала тело и грешную душеньку муками сладострастными, не давала забыть.

Он и не забыл, все с силами собирався да ждал удобного случая. Вот случай-то и представился. Сначала жена одного из старателей родами померла. Два дня мучилась, горемычная, а как только ведьма порог дома переступила, так и преставилась. Потом Аким после ведьминых ласк в Лисьем ручье искупался и слег от лихоманки. А давеча Гордей Седов, самый старший из их артели, вдруг от хвори бесовской помер. Ничего б в том дурного не было – мало ли народу на прииске помирает! – да вот только Гордей помер аккурат после того, как к ведьме сходил за притиркой от прострела. Натерся притиркой-то да тут же как заорет:

– Ой, братцы, горит! Ой, плохо мне, ой, чешется все!

А сам давай вертеться ужом да шкуру на спине в кровь раздирать. А шкура вся красными волдырями пошла, сначала на спине, а потом-то и по всему телу. Дальше Гордей вдруг за горло схватился, засипел, посинел и все – помер! Вот тогда-то Демьян в

голос про ведьмины козни и заговорил. Местные бы ни в жисть не поверили, да старатели – народ не из пугливых, их байками про ведьмино проклятие не напугать.

Трое самых отчаянных решились с Демьяном идти к Лисьему ручью – ведьму проучить. Один – Микула – тот, чью женку с дитем неродившимся ведьма до могилы довела, больше всех ярился, грозился тварь мерзкую аки жабу болотную разодрать. Другой – Гришка Хромый, наипервейший Гордея Седова дружок, тоже на ведьму зуб имел, потому как чуть было той притиркой отравленной себе больное колено не натер, да, видать, уберег Господь, отвел беду. А третий – Ерофей – это уже его, Демьяна, товарищ, сказал, что хочет с ведьмы за Акимову лихоманку спросить, да только знал Демьян – Ерошке ведьма тоже покою не дает, во снах грезится и от дум богоугодных ох как далеко уводит.

Стало быть, четверо их к Лисьему ручью пошло. Вчетвером-то они уж как-нибудь с ведьмой управятся, спросят с этого бесовского племени по всей строгости.

Через ручей перебирались осторожно: никому не хотелось в ледяной воде искупаться. Особенно долго Гришку Хромого дожидаться пришлось, тяжело ему с его-то распухшей ногой по склизким камням скакать, а ведь не передумал, хрен колченогий, не забоялся. Ох, видать, и его ведьма за живое зацепила, не из-за Гордеевой кончины он так разошелся.

Ведьму в избушке они не нашли. Ушла небось по своим ведьмовским делам, даже дверь не закрыла – никого не боится, бесовское отродье. Да и кто ж осмелится в ее доме хозяйничать! Местные точно не осмелятся.

А в избушке чистенько: прибрано все, травами сушеными пахнет и еще чем-то вкусным. В красном углу икона. Вот ведь паскуда, даже лика Господнего не убоялась, так и творит перед его светлыми очами свои непотребства.

– Ну что, дожидаться станем? – Ерошка завалился на ведьмину кровать, закинул руки за голову и глаза прикрыл, а на морде ухмылка такая, что сразу видать, о чем помышляет, аспид.

– Так обождем, коль уж пришли, – Микула присел на тяжелую колоду, которая ведьме замест табурету, обвел недобрый взглядом сначала болтающиеся под потолком пучки сушеного зелья, потом красный угол с иконой. Видать, о том же подумал, что и Демьян, потому как нахмурился еще больше.

– А и обождем! Что ж не обождать! – Гришка сучковатой палкой, которая ему замест посоху, ткнул Ерошку в бок. – А ну, подвинься, дай старому человеку присесть.

Ерошка зашипел сквозь стиснутые зубы, но упрямитесь не стал. Гришка даром что хромой, а как до драки дойдет, так ему с его посохом еще поди равного сыщи. Минувлой весной казака одного залетного так оприходовал, что никакие притифки не помогли – отдал казак богу душу.

Не хотелось Демьяну ведьму в ее избушке дожидаться, снаружи, у ручья, оно как-то сподручнее серьезные разговоры разговаривать, да ведь с этими не поспоришь. Ох, лучше б он один пошел или с Микулой...

Они еще и осмотреться толком не успели, как дверца тихо скрипнула. Демьян, который ближе всех к порогу стоял, крутнулся вокруг себя, ножик свой любимый из кармана выхватил. А ведьме хоть бы что! Стоит себе, глазами зелеными зыркает, а косы рыжие такие длиннющие, что аж пол метут. Вот бы ее за эти косы... Как подумалось про то, так сразу жарко стало, даже ногам, в Лисьем ручье замоченным.

– С Акимом что-то? – спросила и прямо в душу Демьянову заглянула глазюками своими колдовскими.

С Акимом?.. Да что ж это такое?! На него смотрит, а все едино про Акима думает.

– И с Акимом, и с Гордеем, и с Марьюшкой моей... – Микула тяжело поднялся с колоды, шагнул к ведьме. – Ты помнишь Марьюшку?

– Поздно ты меня кликнул, добрый человек. – Ведьма вошла в избушку, кинула недобрый взгляд на развалившегося поперек кровати Ерошку, коротко кивнула Гришке Хромому. – Я уже ничем помочь не сумела, ребеночек неправильно шел.

– А Гордей? – Гришка ловко, невзирая на свою хромоту, вскочил на ноги, угрожающе взмахнул посохом. – Гордея пошто загубила, гадина лесная?! Это ж в каких муках адовых человек помирал от притирки твоей!

– В муках помирал? – Ведьма удивленно выгнула бровь. – Ничего не разумею. Хорошая притирка, третьего дня сваренная. Завсегда от прострела помогала.

– Вот и Гордею помогла... на тот свет уйти, – Демьян захлопнул дверь да спиной к ней прижился для надежности, чтобы ведьма уже точно никуда от них не делася. – А Акима после твоих ласк лихоманка который день бьет, он уже меня, брата родного, не узнает.

– Так что ж меня не позвали?! – Ведьма сердито притопнула ногой. – У меня средство есть от жафа...

– Знаем мы твои средства. – Ерошка одним прыжком очутился позади ведьмы, поймал за косу, наматал на кулак. Так и есть, брехал, сучий потрох, что из-за Акима к Лисьему ручью пошел. Из-за ведьмы пошел. Оттого и в глазах его сейчас черти пляшут. Точно, морок. Приворожила Ерошку, как и его, Демьяна, присушила...

– Пусти!

А ведьма, кажись, и не испугалась совсем, только плечом повела так, что расшитая рубаха вниз поползла. Сразу шея стала видна и цацка эта ее железная. Честная баба крест нательный носит, а у этой вона что... Демьян отлепился от двери, шагнул к ведьме, рука сама потянулась к медальону. А ведь красивая цацка-то, необычная. И не железная вовсе, а из черненого серебра. Кажись, дутая, потому как хоть и немалого размеру, а легкая совсем.

– Не трожь! – А в глазах ведьмовских зеленый огонь все ярче разгорается. – Не трожь, сказала!

– Люба тебе вещица-то? Видно же, что люба! Может, необычная цацка, колдовская?..

– Акиму еще не поздно помочь. Я зелье одно знаю... – А ведь боится ведьма! Ерошку с его лапщами загребущими не побоялась, а за цацку эту вишь как трясется.

– А не надо Акиму твоей помощи! Коли Богу угодно душеньку его к себе забрать, так тому и противиться грешно.

– Ага, грешно. – Ерошка, дурья башка, на медальон даже и не посмотрел, рванул ворот ведьминой рубахи так, что все, от чужих глаз скрытое, сразу видно стало. У Демьяна аж дух занялся от красоты такой нечеловеческой. Точно, что нечеловеческой. Не может нормальная баба так на мужское естество влиять, чтобы тот про все на свете забывал и об одном только думать мог.

– Итит твою мать! – Гришка уже тут как тут, черт хромой, смотрит на ведьмино тело во все глаза, слюни пускает, а того не видит, что ведьма не просто так стоит, чтоб они ее бабьими прелестями любовались. В глазищах зеленых загорается пламя, такое, что не унять, а губы что-то шепчут. Заклятье, наверное, какое-то богомерзкое. И ладонью цацку свою накрыла, как будто защитить ее хочет. А по ногам уже тянет зимней стужей, и в хребет точно вгрызается кто-то зубьями острыми – колдовство...